

Глава 38. Пьяная азартная игра

В первый день большой ярмарки на Улице Неспящих было не протолкнуться. Те, кто был потрусливее, решались лишь на пару партий у временных прилавков, выставленных перед лавками; отчаянные же головы, не дорожащие жизнью, лезли напролом, стремясь попасть внутрь высоких башен и павильонов.

В этот день Мэй Цунхань сопровождала Хань Янь — та самая вспыльчивая девица, что недавно проучила вольных практиков в трактире. Обсудив планы, четверо спутников решили, что время ещё раннее и можно для начала попытать удачи в каком-нибудь случайном месте. Так они зашли в первое попавшееся питейное заведение.

Первый этаж, где обычно распивали крепкое вино и травили байки, преобразился: три квадратных стола сдвинули в один длинный ряд, устроив восемь игровых зон. На каждом столе правила разнились — где-то ставили на «большое-малое», где-то «ловили чертёнка». Вокруг тесным кольцом сгрудились люди; те, кто пришёл позже, бесцеремонно опирались на плечи стоящих впереди и тянулись вверх, стараясь разглядеть происходящее, и, даже не разобравшись в ситуации, спешили бросить внутрь свои камни духа.

Чи Шэнь, едва завидев это зрелище, невольно покачал головой. У него не было ни малейшего желания приближаться к этому столпотворению, а брови страдальчески сошлись на переносице, стоило ушам уловить невообразимый шум. Мэй Цунхань покосилась на него и подумала: «Красивому человеку даже гримасы не портят лица. Облик этого Чи Шэня — один из лучших, что я видела в жизни. Неужто Сян Тянью положил на него глаз именно в этом смысле?»

Сян Тянью осторожно потянул Чи Шэня за собой. Из-за несмолкаемого гула ему пришлось склониться к самому уху юноши:

— Пойдём сразу на третий этаж, нечего нам в этой толкотне делать.

Только тогда Чи Шэнь просветлел. Поднявшись выше, они и впрямь избавились от гомона. Здесь всё было иначе: этаж разделяли отдельные кабинеты. За закрытыми дверями уже вовсю шли игры, в открытые же можно было свободно заходить.

Сян Тянью выбрал ближайшую комнату. Внутри их уже ждал слуга, который, едва гости переступили порог, плотно притворил за ними дверь.

На круглом столе в центре стояли десятки пустых чаш из белого фарфора. Чи Шэнь мельком пересчитал их — ровно двадцать четыре. Напротив сидел поджарый мужчина средних лет с аккуратными усиками. Его глаза лучились острым блеском. Движением руки он пригласил гостей садиться.

Мэй Цунхань окинула взглядом высокую деревянную полку за спиной мужчины, уставленную

бутылками всех мастей, и покачала головой:

— Ставки на вино? Я в маске, пить мне неудобно. Уступаю этот раунд тебе.

Сян Тянью не стал чиниться и занял свободный табурет. Лишь когда он сел, мужчина с усиками заговорил, разъясняя правила:

— В этих двадцати четырех чашах половина — отравленное вино. Вам позволено один раз вдохнуть аромат и выбрать среди них шесть чаш с вином, настоящим на духовных плодах. Если ошибётесь — придётся выпить одну из чаш. Если же выберете верно, то ваш спутник должен будет лично расставить эти чаши перед вами. При этом ему запрещено использовать любые сторонние средства для проверки. Среди этих шести плодовых вин половина содержит смертельный яд, а другая половина — точное противоядие к нему. Иными словами, порядок расстановки не терпит ни единой ошибки. Стоит хоть немного промахнуться — и вы расстанетесь здесь с жизнью.

У Чи Шэня перехватило дыхание.

— Эти правила слишком жестоки, — тут же выпалил он. — Не стоит и начинать.

Условия игры и впрямь казались бесчеловечными. Если первый игрок верно выбирал вина, это доказывало его глубокие познания в этом искусстве, но второй этап заставлял верить свою жизнь в чужие руки. Это был неоправданный риск, который к тому же мог посеять вражду между близкими людьми.

Заметив искреннюю тревогу юноши, мужчина лишь усмехнулся:

— Ваши слова несправедливы. В азартных играх нет понятий «жестоко» или «мягко», есть лишь согласие сторон. Младший брат слишком нетерпелив и труслив — я ведь ещё даже не объявил награду, а ты уже собрался бежать?

Чи Шэнь не повёлся на красноречие, продолжая убеждать Сян Тянью:

— Брат... Я думаю, лучше сначала поискать другое место.

Однако Сян Тянью явно вошёл в азарт. Он жестом попросил Чи Шэня успокоиться и обратился к мужчине:

— Покажи, стоит ли твой приз такого риска.

Видя, что рыба проглотила наживку, тот расхохотался. В его правой ладони внезапно оказался чёрный флакон — изящный, не более двух цуней в высоту. По бокам сосуда тянулись тонкие,

летающие мазки золотой росписи, полные изысканной живости.

— Внутри — кровь Девятиглавого Журавля уровня царства Послушного Сердца. Эти птицы питаются ядовитыми тварями, перерабатывая их сущность в чистую энергию Юань для своего возвышения. Действие этой крови чудеснее любого исцеляющего эликсира. Обычное снадобье лишь изгоняет яд, кровь же журавля позволяет усвоить его, обратив себе во благо. Двойная выгода!

Услышав это, Мэй Цунхань подалась вперёд:

— Дай-ка взглянуть.

Мужчина, не опасаясь подвоха, подбросил флакон в воздух. Мэй Цунхань поймала его и после осмотра пришла в неопиcуемый восторг:

— Не думала, что встречу здесь столь редкостное сокровище. Этот журавль уже вступил в позднюю стадию Послушного Сердца. Когда я была ещё молода и жила на пике, мастер принимал одного больного. Тот, польстившись на силу крови Девятиглавого Журавля, повсюду собирал кровь демонов и редкие яды, практикуя этот сомнительный путь. В итоге он заработал кровавую зависимость — и дня не мог прожить без свежей крови и яда.

Хань Янь ахнула:

— Мир велик, чего только в нём не встретишь! Но это лишь подтверждает, насколько притягательна кровь журавля.

Мэй Цунхань поставила флакон на середину стола и кивнула Сян Тянью:

— Если не уверен в себе — давай поменяемся. Теперь мне и самой любопытно.

Но Сян Тянью даже не взглянул на неё. Он смотрел на Чи Шэня.

— Вино для меня будешь расставлять ты.

Чи Шэнь запаниковал. Мужчина же, будучи тертым калачом, уже велел слуге снять с полки кувшины и наполнить фарфоровые чаши. Теперь отказ выглядел бы позорным бегством.

Вино было прозрачным, высшего качества. Слуга по очереди подносил чаши к лицу Сян Тянью. Тот либо качал головой, и чашу возвращали на место, либо кивал — и её отставляли в сторону. Сян Тянью выносил вердикты без тени сомнения. Не прошло и времени, потребного на чашку чая, как все шесть плодовых вин были отобраны.

Мужчина с усиками довольно погладил бороду. Велев убрать лишнее, он оставил на столе лишь выбранные чаши и хлопнул в ладоши:

— Поздравляю, почтенный гость, глаз у вас острый. Теперь черёд этого молодого человека расставить их в нужном порядке.

Чи Шэнь незаметно вытер вспотевшие ладони о полы одежды. Сделав шаг вперёд, он процедил сквозь зубы:

— Я расставлю. Но у меня есть одна смиренная просьба, надеюсь на ваше снисхождение.

— Говори, послушаю.

— Если я всё сделаю верно — вопрос исчерпан. Но если ошибусь, молю — позвольте моему брату выпить противоядие. Я же готов выпить яд вместо него. Жизнь за жизнь.

Лицо Сян Тянью мгновенно помрачнело. Взгляд, прежде ясный, стал бездонно-темным и холодным.

— Глупости! — гневно оборвал он. — Правила не меняют на ходу. Раз я верю тебе, значит, ты должен думать о том, как расставить вино верно, а не сомневаться в себе ещё до начала дела!

Эта резкая отповедь подействовала на Чи Шэня как ушат холодной воды. Он вмиг протрезвел и виновато пробормотал:

— Брат прав... я... больше не буду отвлекаться.

Он закрыл глаза, полностью сосредоточившись на шести чашах. Нужно было уловить тончайшие различия. Однако сколько бы он ни вглядывался, дно чаш не спешило раскрывать свои тайны. В отчаянии Чи Шэнь склонился слишком низко, и капля вина коснулась кончика его носа.

В тот же миг в его сознании вспыхнул голос: «Определён основной состав: Плоды Пустого Сердца трехсотлетней выдержки. При употреблении вызывают разложение сердца. Смертельный яд».

Чи Шэнь замер. Затем его осенило — это сработал свиток Дровесины из «Канона лекарственных трав», пробуждённый Черным Камнем! С этой силой жизнь Сян Тянью была в полной безопасности!

Охватившая его радость была столь велика, что юноша не смог сдержаться и звонко рассмеялся. Если бы не ясный взгляд Чи Шэня, Сян Тянью мог бы заподозрить, что тот

лишился рассудка.

Раз уж не получалось сохранять бесстрашие, Чи Шэнь решил дать волю чувствам. Мужчина с усиками всё это время пристально наблюдал за ним. За сорок девять лет, что он проводил эту игру, он наловчился замечать любые уловки, но сейчас он клялся — юнец не применил ни одного известного способа проверки. Тот лишь на мгновение замер, коснувшись носом влаги, и вдруг преисполнился абсолютной уверенности.

Чи Шэнь, сбросив груз с души, расслабился и даже позволил себе немного озорства. Сияя улыбкой, он сказал Сян Тянью:

— Брат, я нашёл способ их различить. Пей спокойно!

С тех пор как они познакомились, Сян Тянью никогда не видел его таким — открытым, радостным и самую малость хвастливым. Ему пришлось даже прикусить кончик языка, чтобы подавить внезапное желание сгрести юношу в охапку и ласково коснуться этого лица.

— А разве я когда-то в тебе сомневался? — негромко спросил он, глядя на склонившегося над столом красавца.

Улыбка Чи Шэня стала ещё шире. Он быстро коснулся кончиками пальцев вина в каждой чаше и в мгновение ока переставил их. Движения его были столь уверенными, будто на чашах были наклеены ярлыки с названиями. Мужчина с усиками в изумлении раскрыл рот и невольно воскликнул:

— Невозможно! Ты сжульничал! Ты использовал какой-то прием!

Если говорить о приемах, то это была заслуга самого Чи Шэня... и в то же время нет. Но Черный Камень не принадлежал этому миру, и юноша был уверен, что никакое «острое зрение» не поможет разглядеть истину. Поэтому он выпрямился и твердо ответил:

— Даже если и так — вы ничего не заметили, а значит, я выиграл! Мой брат выпьет вино, и вы отдадите кровь журавля, как и обещали.

Сян Тянью рассмеялся, поднялся и, не дожидаясь приглашения, спрятал флакон за пазуху. Он слегка потянул за собой недоумевающего Чи Шэня, заслоняя его собой, и покосился на хозяина:

— Будучи распорядителем винного погреба, ты знаешь каждое вино в своих кувшинах наперечёт. Стоило тебе увидеть порядок, в котором он расставил чаши, как исход стал ясен. Оттого ты и обвинил его в обмане.

Мужчина словно очнулся от сна. С горькой усмешкой он сложил ладони в приветствии:

— Оказывается, среди почтенных гостей скрывались истинные драконы и тигры. Прошу прощения за неучтивость. Винный дом «Четыре Стороны» признаёт поражение. А-Сян, проводи господ вниз.

Когда они вышли из башни, Мэй Цунхань с интересом оглядела Чи Шэня:

— Кто бы мог подумать. Похоже, сегодня роль «волка в овечьей шкуре», обдирающего простаков, досталась не этому проходимцу Сян Тянью, а его «прилежному ученику»

Чи Шэнь, впервые в жизни испытавший подобный азарт, всё ещё не мог унять румянец на щеках. Победа придавала ему веры в то, что он сможет стать ближе к Сян Тянью. Услышав слова феи, он нахмурился и напустил на себя строгий вид:

— Мэй Цунхань, я знаю, что вы друг моего брата, но шутки должны иметь границы. Мой брат добр и не станет спорить, но я не из тех, кто будет молча терпеть насмешки в его адрес!

— Пф-ф... — Мэй Цунхань прыснула со смеху под маской, её голос даже изменился. Хань Янь отвернулась, едва сдерживая дрожь в плечах. Сян Тянью, заметив взгляд Чи Шэня, мгновенно стер улыбку и принял вид смиренного мученика:

— Оставь её. Она просто грубиянка. Спорить с ней — всё равно что книжнику тягаться с разбойником. Лишь зря язык чесать. Просто не обращай внимания, ей самой станет скучно.

Чи Шэнь спохватился, и лицо его залило ещё более густой краской. Он запоздало подумал: «Какая же я глупость... Потерял голову от радости и наговорил чепухи, принял шутку за чистую монету. Эх, когда же я научусь выдержке и перестану позориться перед братом...»

<http://bllate.org/book/17417/1663101>